III 1974

5 8 1

ТУ 19—32—73

1

2

студия
ДИАФИЛЬМ

Подвиг будёновца

По рассказу Л. Пантелеева „Пакет“

Художник Б. Гущин

Нет, дорогие товарищи, героического момента в моей жизни я не припомню. Жизнь моя довольно обыкновенная, серая. В детстве я был пастухом у помещика, потом я работал плотницкую работу. Потом меня взяли во флот. Потом революция. Потом воевал, конечно. Потом учили меня читать и писать.

Нет, не было ничего героического. А вот один совсем небольшой, пустяковый случай, как я в гражданскую войну на фронте засыпался, — я вам расскажу.

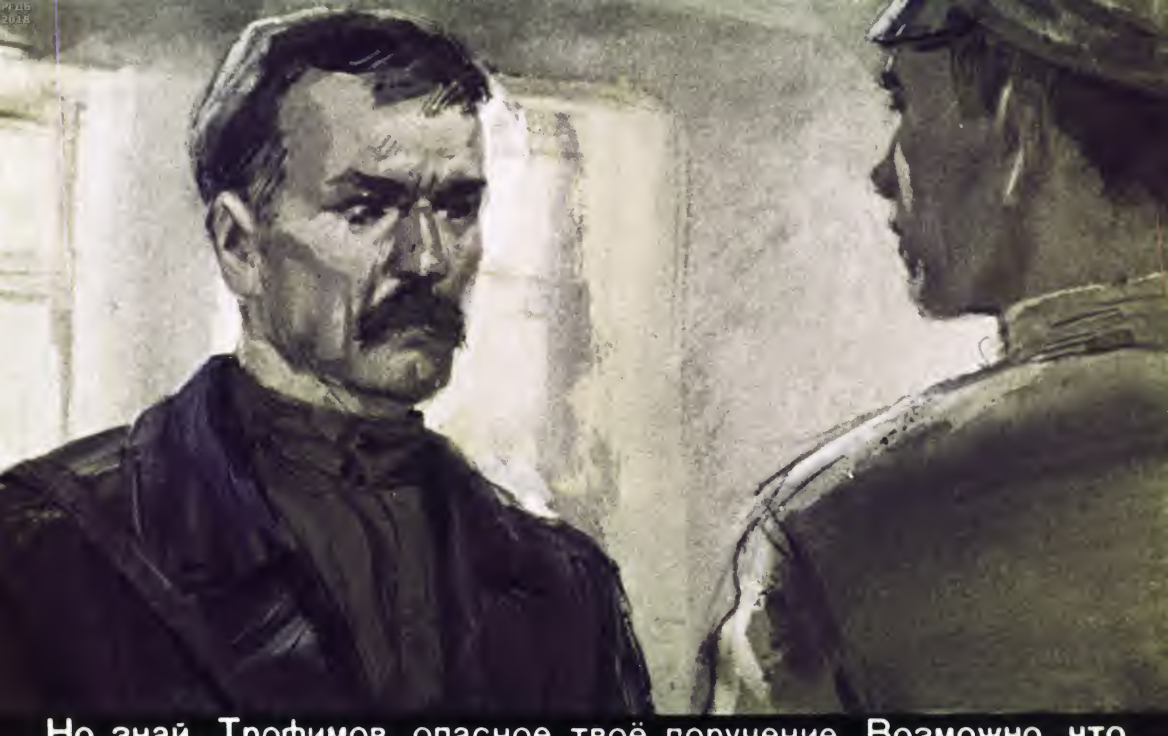
Состоял я тогда в бойцах будёновской армии при особом отряде товарища Заварухина. Дело было у нас плоховато — слева Шкуро теснит, справа — Мамонтов.

Вызвал меня в штаб товарищ Заварухин. – „Вот, – говорит, – Трофимов... Есть у меня к тебе великое дело. Дай мне, пожалуйста, слово, что умрёшь, если нужно, во имя революции“.

Встал я, каблуком притопнул. – „Есть, – говорю. – Умру“. – Вынимает товарищ Заварухин из ящика пакет. – „Скачи, – говорит, – до Луганска к товарищу Будённому. Передашь сей пакет лично ему.

Но знай, Трофимов, опасное твоё поручение. Возможно, что хватит тебя белогвардейская пуля, а то и живого возьмут. Знай, в пакете важнейшие сведения. Уничтожишь его в крайнем случае".

– Есть, – говорю, – не отдам пакета. Сгорю вместе с ним.– Взял пакет, пощупал сургучовые печати, за пазуху под ремень сунул. – „Прощай, комиссар!“ – „Прощай, – говорит, – Трофимов. Живой возвращайся“.

Выбрал я лучшего коня и полетел. Несёмся мы – в ушах жужжит. Что ни минута – верста.

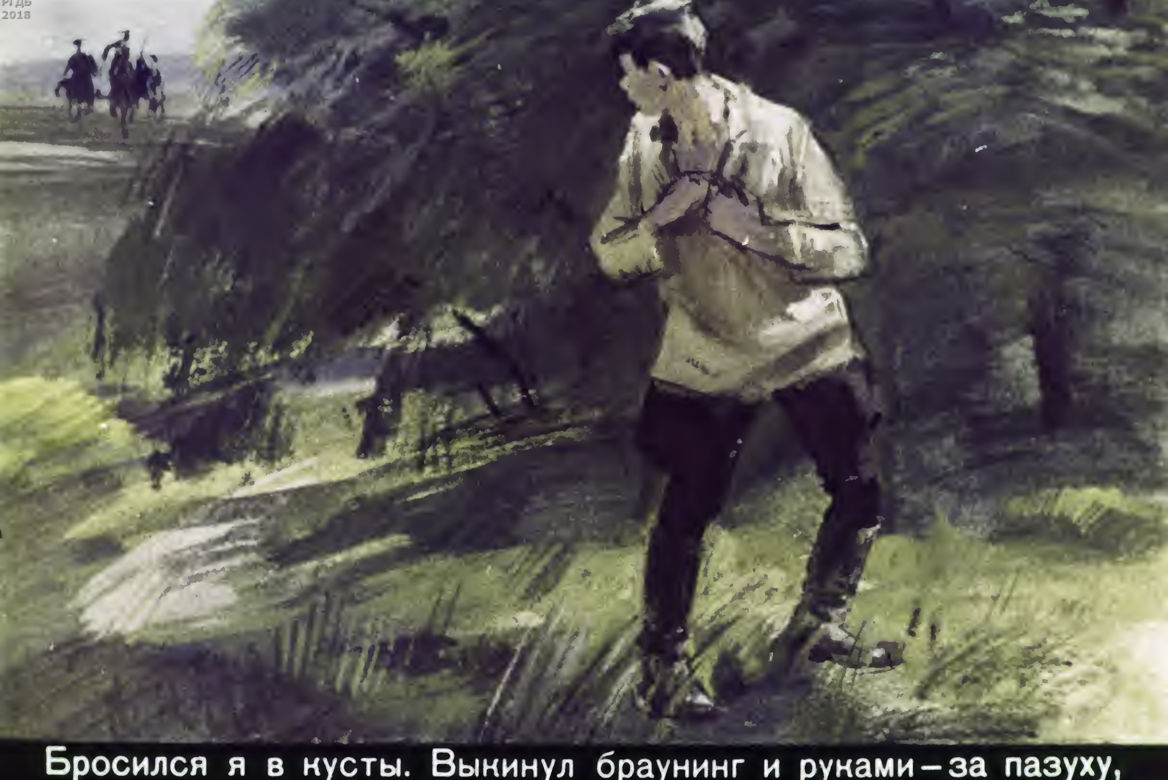
Вдруг, понимаете, река неожиданно. Ф-у, говорю, – несчастье какое! Ну, Воронок, ныряй в воду. Конь не сдвинулся с места. Обозлился я тут, дурак, как ударил в бока... Подскочил Воронок и ринулся в самую глубину.

Уж не знаю, как я успел стремена скинуть. Только вынырнул я – вижу: один плыву. А рядом, в двух саженях круги колыхаются. Ох, пожалел я коня!

Вылез, течёт с меня, как с утопленника. Пошёл по тропиночке, на горку взбираюсь. Вдруг вижу: навстречу – конный разъезд. Сразу я догадался, что за разъезд.

Бросился я в кусты. Выкинул браунинг и руками — за пазуху, где секретный пакет. А пакета нема. Нету!.. А уж кони несутся, уж слышу: „Гей! Стой!“

Окружили меня, кинулись. Ну, я показал им, как в нашей деревне дерутся. Один – получай в зубы, другой – в ухо, а третий... третий меня по башке стукнул. Упал я, память потерял.

Привели меня в чувство – и прямо в штаб к белым. Стою в тёмных сенях, пока дежурному доложат, себя незаметно ощупываю, пакет ищу. Нет пакета. Ну, думаю, может так лучше. Всё-таки пакет к белым не попадёт.

Постоял немного и говорю конвоирам: „Земляки, войдите в моё положение, невозможно сапоги жмут. Разрешите перед смертью переобуться". — „Вали, скидывай", — буркнул молодой казачок.

Стянул я сапоги. До чего легко стало. Снял портянку. И вдруг – что такое? Что-то лишнее. Пакет! Весь мятый, как тряпка. А тут в дверь кричат: пленного! Что будешь делать? Бросить под лавку – найдут. Я скомкал его и незаметно – в карман.

Только стали меня допрашивать, на моё счастье, вбегает офицер и кричит: „Господа, генерал едет!" – Вскочили тут все. Шум поднялся: немедленно выставить караул! Встречать атамана!

А я остался с молодым казаком. Вот, думаю, последняя загадка: как пакет уничтожить? Фу, думаю, об чём разговор? Съем, и всё тут. Сунул я его целиком в рот, еле губы захлопнул.

Тут распахнулись двери и вваливается орава. Впереди генерал. А это, говорит, кто такой? А это, говорят, пленный, ваше превосходительство. Генерал зубами лязгнул: „Ага, ангел мой, попался?!“

Сел на стул. Допрашивает: „Если ты мне сейчас не сообщишь название части, количество штыков и где помещается штаб, – к стенке. Понял?“ – Я всё молчу. Об одном думаю, как бы мне мёртвому рот не разинуть.

— Нет, — говорит генерал, — это из тех комиссариков, которые в молчанку играют. Такой скорее себе язык откусит. А впрочем... попробуйте его шомполами. Только не до́ смерти бейте. Нужно сперва допросить, — расстрелять его всегда успеем.

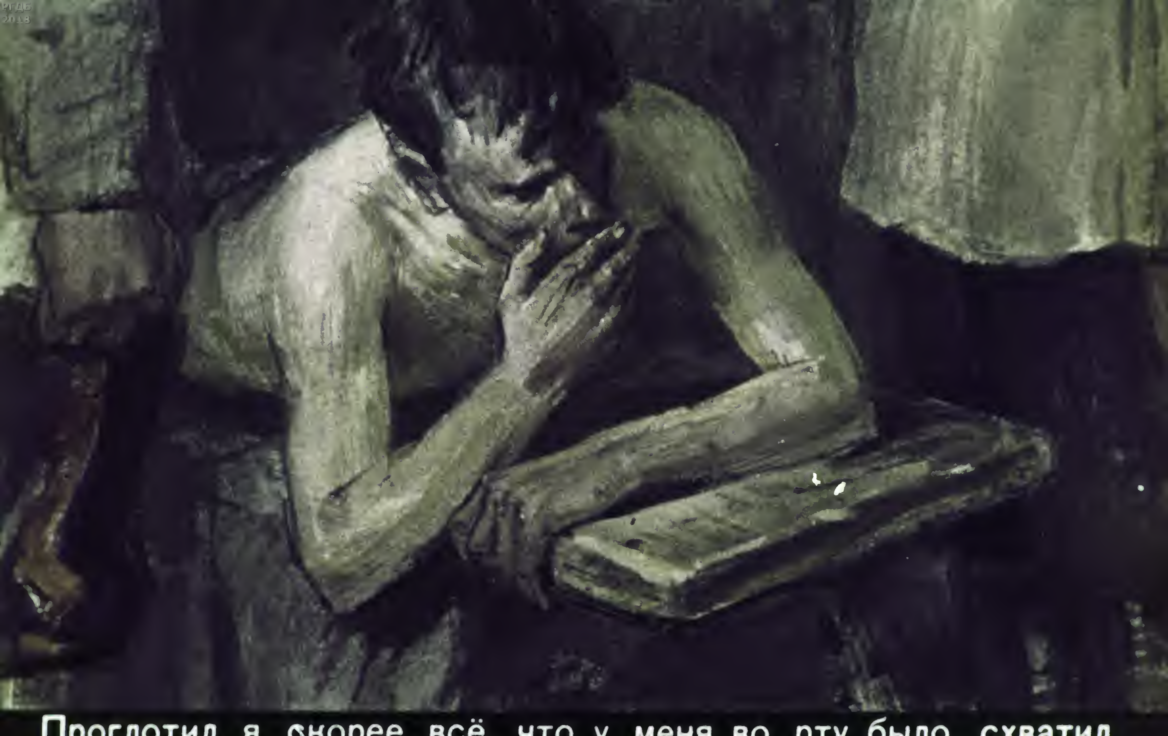
Бьют меня шомполами, не жалеючи, по спине, и пониже, и по чём попало. Больно. Но я зубы плотнее сжал, только бы, думаю, не закричать. Пакет у меня совсем размяк, и я его потихоньку глотаю.

– „Эй, – кричит офицер, – может, он и в самом деле себе язык откусил?.. Будешь ты мне отвечать или нет?!“ – А я тут, дурак, и ответил. – „Нет!“ – говорю. И что-то такое при этом у меня изо рта шмякнулось на пол.

Посмотрел один казак и говорит: „Ваше благородие, язык у него изо рта выпал“. – Испугались бандиты. Вот им от генерала попадёт! Дёрнулся и я. Неужели, думаю, вместе с пакетом язык свой сжевал...

Проглотил я скорее всё, что у меня во рту было, схватил язычок с пола – и в рот. И чуть зубы не обломал. Понимаете, это сургучовая печать товарища Заварухина. Разломал я зубами её и незаметно проглотил.

Повели меня срочно в больницу. – „Может быть, – говорит офицер, – с ним ещё что-нибудь можно сделать. Может, пришить язык можно“.

Посмотрел доктор у меня во рту, поковырялся. – „Да нет, – говорит, – язык на месте, только синий, да дёсны распухли“. – „Как? – говорит офицер. – Вы ошибаетесь. Я же сам видел, как он его кусал“.

– „Тогда посмотрите“, – говорит доктор. Посмотрел офицер – глаза у него на нос полезли. – „Тьфу, – говорит, – значит, он меня обманул? Значит, ты, негодяй, говорить можешь?!“

– Вы, господин доктор, пожалуйста, приведите в порядок этого субъекта, а после пришлёте в штаб. Перед расстрелом его ещё допросить нужно.

– А вы, братцы, покараульте пленного. Филатов останется здесь, а Зыков (это тот, который мне переобуться разрешил) – наружная охрана. После, Зыков, приведёшь его в штаб.

Подцепил свою саблю и поскакал. А за ним и Зыков в сени бежит. И там, в сенях, кто-то вдруг как заорёт: „А-ах!..“ – „Что? Что такое?“ – говорит доктор. А оттуда Зыков кричит: „Не извольте беспокоиться, это их благородие споткнулись“.

Полечил меня малость доктор, дал пирамидону, и повёл меня Зыков. Только вижу совсем мы не к штабу идём, а куда-то совсем обратно. „Что, – думаю, – за дьявол! Куда это мы идём?" – И только я это подумал...

Вижу, идёт нам навстречу какой-то старый генерал. – „Куда?“– говорит. Сделал Зыков стойку и отвечает: „Пленного большевика к исполнению веду“. – „В расход?“ – „Так точно, в расход“. – „Ну, – говорит генерал, – смотри не промахнись!“

И пошли мы дальше. И прямо скажу, не хотелось идти. Нет, не хотелось (ноги не хотели идти). Никогда мне, товарищи, не забыть, как я тогда шёл, что думал и что передумал. Да, тяжело, думаю, Петя Трофимов, помирать не в своей губернии. Хотя, какая у меня, к чёрту, губерния? Отец у меня в одном месте зарыт, мать – в другом. Только и остались у меня боевые товарищи. Да вот загадка: выскочат ли они из ловушки? И, может быть, это из-за меня, это я всё дело смазал?

Спустились мы к оврагу. Вдруг Зыков останавливается! – „А ну, – говорит, – стой! – Вынимает из-за пазухи что-то неясное. – На, – говорит, – пришпиливай“. – Стою я как дурак, ничего не понимаю.

– „Чумовой, – говорит, – скорей, пока нас не засыпали. – И сам ловко пришпилил булавками золотые погоны. – А теперича, – говорит, – бежим“. – „Куда?“– говорю. – „Ясное дело куда, к Будённому“.

Ох, товарищи!.. Сел я на землю и встать не могу, чуть не заплакал. – „Браток, – говорю, – Зыков! Неужели свой?..“ – „Свой, – говорит. – Вставай, бежим к Будённому“. – „Погоди, – говорю, – не могу. У меня в животе какая-то гадость начинается“.

И в самом деле, такая боль, что сказать не могу. Фу, думаю, от пули спасся, а тут от такой гадости помирать. Встаю через силу и падаю снова. – „Значит, – говорю, – давай попрощаемся, товарищ Зыков“.

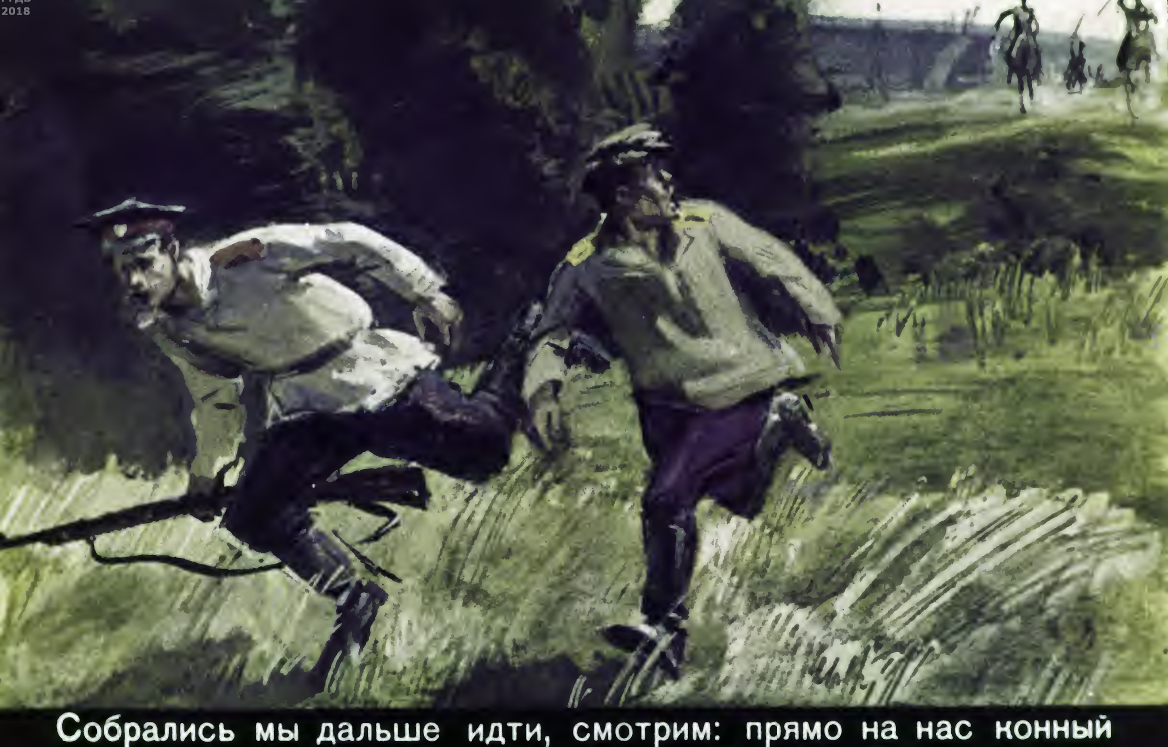
А он ничего не сказал, кладёт меня, как мешок, на плечо и шагает в кусты. А потом так припустил, что минут через десять мы были уже в лесу.

Присел Зыков передохнуть. И у меня в животе легче стало. Рассказал мне Зыков, как его белые насильно забрали в казаки, дали ружьё и велели стрелять в большевиков. — „И ты стрелял?“ — „Нет, — говорит, — одного только прикладом. И тот — наш офицер“.

– Пока, – говорит, – ты у доктора пирамидон кушал, я его в сенях прикладом... и под лавку запихнул. В этих же сенях, между прочим, и погончики тебе раздобыл. – Ведь вы подумайте, какой Зыков ловкий парень!

Собрались мы дальше идти, смотрим: прямо на нас конный разъезд несётся. – „Тикай!“ – говорит Зынов. Поскакали мы, как орловские рысаки. Сзади в нас из бердана пуляют: бум! Бах! Трах!

Вдруг Зыков крикнул: „Ай!“ – и прямо навзничь. Щека у него в крови. – „Зыков! – кричу. – Вставай!“ – А он не шевелится. Хватаю его тогда за плечо, но тут над головой... – „Стой! Руки кверху!“

Поднимаю голову...мать честная! Вижу на фуражках красноармейские звёзды. – „Товарищи! – говорю. – Зачем? Ведь вы же в своих стреляли". – „Брось, – говорят, – не вкручивай. У наших погоны не блестят". – И велел взводный вести нас в Бандурово до комиссара.

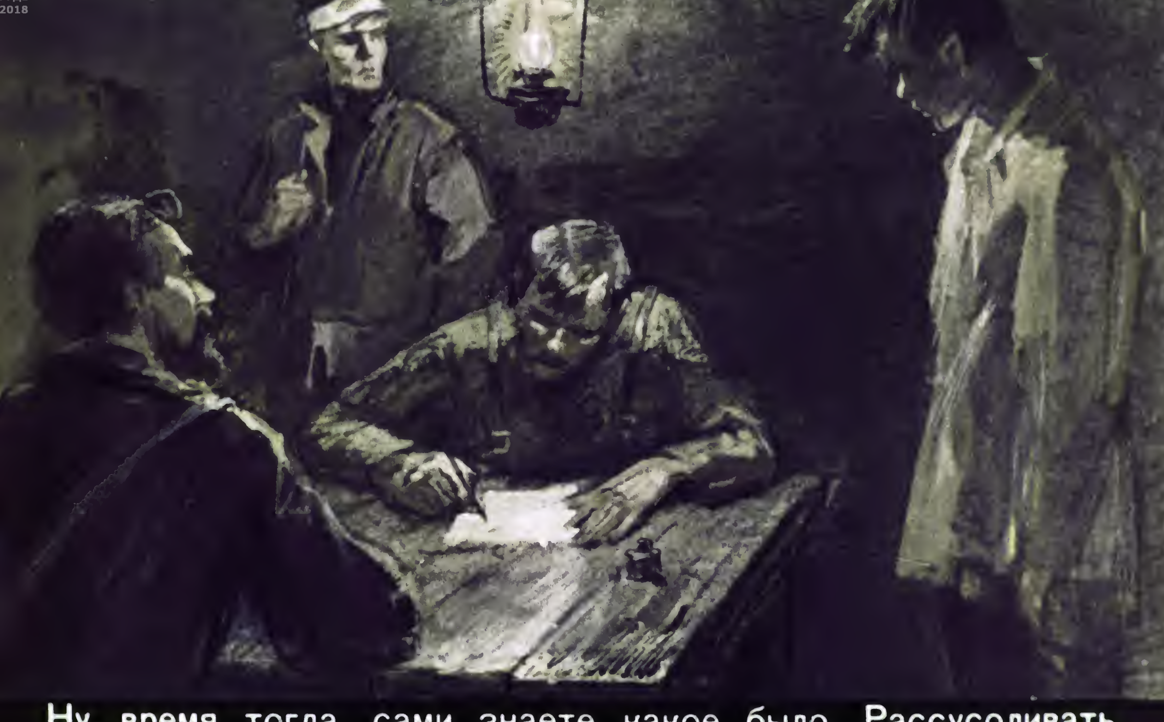
Уже темно стало, когда мы в Бандурово въехали. Долго чего-то комиссару докладывали. Потом отворяются двери, и из дома кричат: „Пленных!..“ – Это я-то пленный! Подумайте только: будёновец к Будённому в плен попал.

Привели к комиссару. Стал я рассказывать, как секретный пакет к товарищу Будённому вёз, как пришлось его съесть вместе с сургучом. Не верят, понимаете, ни одному моему слову не верят!

–Заливает, товарищ комиссар. С мамонтовской дивизии чистокровный разведчик. Вот документики. И кладут перед ним зыковский военный билет.

Ну, время тогда, сами знаете, какое было. Рассусоливать некогда было. Пошептались ребята, подумали и написали: „Трофимова Петра, неприятельского разведчика и шпиона, расстрелять".

Привели меня во двор и велели вставать к стенке. – „Подождите, – говорю, – разденусь. Я вам свои сапоги отдам“. – „Не надо, – говорят, – не желаем аглицких сапог“. – „Дурни вы, – говорю, – это ж московские. Это фабрика „Богатырь“.

Кидаю им сапоги, разматываю портянку. И – что вы думаете? Ну, этого мне не забыть! В моей изодранной портянке клочок бумаги, и что-то на нём написано.

Я говорю: „Ну-ка, ребята, я неграмотный, прочтите, чего тут написано“. – „Чего нам читать, нечего нам читать. Вставай к стенке!“ – Я говорю: „Успею я к стенке. Прочтите, может быть, тут важное сказано“.

Позвали комиссара. Берёт он рваную мою бумажку и, помню, читает: „...ну Михайловичу Будённому... ...арму первой конной...“ Ну, тут что было, можно и не говорить!

Комиссар за голову схватился. – „Что это?“ – говорит. – „Это от пакета осталось, который я вёз к Будённому. А остальное, – говорю, – я сшамал“. – „Приговор отменяется! – кричит комиссар. – Скорее его в Луганск, до штаба Будённого“.

Через пять минут у ворот тачанка гремит. Меня положили в тачанку. Сеном всего обклали. – „Послушайте, – говорю, – и Зыкова тоже положьте". – И Зыкова положили рядом со мной. Тут я призакрыл глаза и память потерял.

Очнулся я в лазарете. – „Не двигайся, пожалуйста, – говорит доктор. – У тебя в желудке только что нашли сургуч, чернила и ещё кое-что“. – „А бумагу, – говорю, – нашли? Разобрали, что написано?“ – Я вдруг ослаб и задремал.

Вышел я из лазарета через две недели и поехал обратно в дивизию. А под самый Новый год мне из Москвы подарок — орден Красного Знамени. И за что только, вы подумайте?

Конец

Сценарий Е. Кавтиашвили
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Д-210-68

Студия „Диафильм", 1968 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Чёрно-белый 0-20. Цветной 0-30